

Михайлов Виктор Акакиевич

**Фельетонные наброски.
1886-1889 г**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В43

Виктор Акакиевич М.
В43 Фельетонные наброски. 1886-1889 г / Михайлов Виктор Акакиевич – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 179 с.

ISBN 978-5-519-96877-5

Содержание: Преступница; Конский степной табун; Нашла коса на камень;
Между жизнью и смертью; На ватаге; Мегера; Желанный гостьМФК
801-18/1681

ISBN 978-5-519-96877-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Войдя въ избу, она прежде помолилась Богу, не торопясь осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, а потомъ, низко кланяясь сидящему на лавкѣ сѣдому, какъ лунь старику, проговорила.

— Здравствуй, дѣдушка! Ты чай меня совсѣмъ заждался?

— Да скучненько было одному-то сидѣть, я отъ скуки и вздремнулъ маленько.

Дѣвочка сѣла рядомъ съ старикомъ, и какой контрастъ представляли эти два лица! Старикъ, пройдя свой жизненный путь, стоялъ одной ногой уже въ могилѣ; а внучка,—его единственное утѣшеніе въ жизни,—только начинала еще жить.

— Ну, съ чѣмъ тебя поздравить, Катюша? спросилъ старикъ, смотря на свою любимицу.

— Съ наградой, дѣдушка, отвѣчала дѣвочка и развернула передъ старикомъ бывший у нея въ рукахъ большой листъ толстой глянцеви-той бумаги. Затѣйливо-золотистый бордюръ листа, особенно рельефно выдѣлявшійся въ лучахъ майскаго солнца, остановилъ вниманіе старика.

— Это что же такое, Катюша? спросилъ онъ внучку.

— А это, дѣдушка, похвальный листъ, отвѣчала дѣвочка.

— Зачѣмъ-же его тебѣ дали? продолжалъ допрашивать старикъ.

— Въ награду, дѣдушка,—что хорошо училась.

Въ награду? Вотъ ты у меня какая умница.

При этомъ старикъ обнялъ свою внучку и нѣсколько разъ крѣпко поцѣловалъ, а потомъ, поглаживая по чернымъ, какъ смоль волосамъ, заплетеннымъ въ одну, довольно толстую косу,—продолжалъ:

— Теперь значить конецъ твоему ученью, Катюша?

— Да, дѣдушка, теперь я совсѣмъ кончила учиться.

— Доброе дѣло. А книжки по-прежнему будешь читать мнѣ?

— Буду, дѣдушка, когда время будетъ.

При этомъ отвѣтъ, старикъ невольно улыбнулся.

— Я совсѣмъ и забылъ, сказалъ онъ, что ты теперь вѣдь у меня хозяйкой будешь.

— Да, дѣдушка, теперь я уже не буду оставлять тебя одного и стану на тебя работать.

— Однако, молодая-то хозяйка чай и поѣсть хочетъ,—сказалъ старикъ, поднимаясь

съ лавки,—въ школѣ-то, почитай, васъ не особенно сытно кормили. Поди-ка спрячь твою похвальную бумагу въ сундукъ, а я велю Дарьѣ дать намъ пообѣдать. Обѣдатель-то въ кухнѣ будемъ.

2.

Въ одинъ изъ холерныхъ годовъ, Катя лишилась отца и матери и ребенкомъ, на второмъ году, осталась на рукахъ вдовца, старика-дѣдушки Кузьмы Петровича Хрѣнова, проживавшаго въ селѣ Подгорномъ.

Кузьма Петровичъ былъ мужикъ не то, чтобы очень богатый, но нужды ни въ чемъ не терпѣлъ. Хлѣба онъ сѣялъ только про свой домашній обиходъ, а занимался почти исключительно пчеловодствомъ и благодаря своей опытности, да Божьей помощи,—какъ онъ говаривалъ, пчеловодство шло у него хорошо и успѣшно. Трезвая жизнь Кузьмы Петровича и его прямой, открытый характеръ давно снискали ему расположеніе и довѣріе всего общества. Ни одно общественное дѣло не начиналось безъ совѣта Кузьмы Петровича и хотя онъ во всю свою жизнь не отправлялъ ни одной общественной должности, отъ которыхъ отбивался и руками

и ногами, тѣмъ не менѣе былъ не безъизвѣстенъ и въ городѣ, и не разъ выводилъ городскихъ властей изъ затрудненія, когда онѣ въ какомъ нибудь сложномъ крестьянскомъ дѣлѣ становились въ тупикъ. Авторитетомъ своимъ Кузьма Петровичъ никогда не кичился, а напротивъ, всегда выдвигалъ на первый планъ міръ и все приписывалъ ему одному.

— „Мы только спицы,—говаривалъ онъ,— а настоящее колесо—это міръ. Куда катится колесо, туда должны идти и спицы. Отнимите у колеса ободъ,—и спицы разлетятся въ разныя стороны. Ихъ растаскають по одиночкѣ и разбросаютъ такъ, что и слѣдовъ не соберешь, да и сами затеряться могутъ; а колесо не скоро изуродуешь и, куда его ни покати, все по себѣ слѣдъ оставить. Вотъ мы и должны плотнѣе держаться къ міру и жить прежде всего для него. Не будетъ терпѣть нужды міръ и мы ее не увидимъ, а мірская нужда—наша нужда. Такъ было прежде, такъ должно быть и всегда“.

По инициативѣ Кузьмы Петровича была построена въ ихъ деревнѣ церковь и открыта школа, которую земство не замедлило принять на свой счетъ; по его же инициативѣ былъ

изгнанъ изъ деревни кабакъ, и въ теченіи уже многихъ лѣтъ у нихъ не производилось никакой винной торговли и общество нисколько не тяготилось этимъ; но это изгнаніе кабака пришлось не по вкусу разнымъ промышленникамъ по этой части. Они знали, откуда дуетъ вѣтеръ, и не разъ пробовали расположить въ свою пользу Кузьму Петровича, пуская въ ходъ то ласку, то угрозу, но Кузьма Петровичъ умѣлъ ловко отдѣлываться отъ этихъ кровопійцъ и съ рѣдкимъ искусствомъ спускалъ ихъ на пустыхъ. Разъ даже пришлось ему лично быть въ губернскомъ городѣ, гдѣ онъ съ низкимъ поклономъ просилъ самого губернатора избавить ихъ общество отъ нашествія этихъ раззорителей. Губернаторъ былъ человѣкъ добрый, разсудительный; похвалилъ Кузьму Петровича за его противодѣйствіе кабаку и открыто принялъ его сторону; да и на будущее время открылъ ему свободный доступъ къ себѣ. Все это, конечно, было ни для кого не секретомъ, и хотя Кузьма Петровичъ послѣ этого ни разу не бывалъ у добраго генерала, но однако съ этого времени кабатчики разъ навсегда прекратили свою попытку о водвореніи кабака въ селѣ Подгорномъ.

Внучку свою Кузьма Петровичъ воспиталь въ страхѣ Божіемъ и въ любви къ труду. Какъ самъ онъ никогда не сидѣлъ сложа руки, такъ и его любимица Катя не была знакома съ праздностью. Семи лѣтъ она уже умѣла читать и писать, а пробывши въ школѣ шесть лѣтъ, благодаря рѣдкимъ способностямъ,—успѣла постигнуть всю ту книжную премудрость, какую тамъ преподавали; въ особенности ей школа оказала большую услугу въ послѣдніе два года, когда вмѣсто учителя была назначена земствомъ учительница, дѣвушка развитая и съ любовью и знаніемъ дѣла принявшаяся за обученіе дѣтей. Она не довольствовалась одной книжной моралью, а старалась развить въ дѣтяхъ здравый смыслъ и пониманіе вещей въ ихъ дѣйствительномъ существованіи. Въ школьной библіотекѣ появилось много дѣльныхъ книгъ, которыя она и давала читать дѣтямъ, и эти-то книжки читала по вечерамъ Катя своему дѣдушкѣ, работавшему въ это время кочедыкомъ. Обладая хорошимъ голосомъ и знаніемъ музыки, учительница сформировала изъ учениковъ, ученицъ и мѣстныхъ любителей пѣнія хоръ,

который стройнымъ пѣніемъ своимъ невольно располагалъ къ молитвѣ. Все это пришлось особенно по вкусу Кузмѣ Петровичу. Онъ былъ искренно расположенъ къ учительницѣ, а черезъ него и *все* общество относилось къ ней съ особеннымъ уваженіемъ. Катю учительница любила, какъ родную сестру, и дѣвочка, въ свою очередь, платила ей тѣмъ же.

4.

На другой день послѣ раздачи наградъ ученикамъ былъ праздникъ. Дѣдушка и внучка отправились къ обѣднѣ. Катя пѣла въ хору, а Кузма Петровичъ, стоя въ отдаленномъ уголкѣ церкви,—это было его любимымъ мѣстомъ,—усердно молился о ниспосланіи его внучкѣ счастья въ жизни.

Послѣ обѣдни священникъ обратился съ пастырскимъ словомъ къ собравшемуся народу. „Ученіе свѣтъ, а неученіе тьма“, началъ онъ свою рѣчь и на эту тему сказалъ проповѣдь. Отецъ Василій былъ большой мастеръ говорить проповѣди и говорилъ ихъ простымъ удобопонятнымъ для простолюдина языкомъ. Онъ былъ открытымъ сторонникомъ народнаго образованія и считалъ его необходимымъ, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ.

Женщина, говорилъ онъ, такой-же чело-
вѣкъ, какъ и мужчина, а потому и она дол-
жна пользоваться духовной пищею. Хотя и
говорять, что удѣлъ женскій—это рожденіе
дѣтей, но, въ жизни пригодится и ученіе.
Жизнь должна создавать людей, а не самоцовъ
и самокъ; что будетъ толку въ томъ, что
родится ребенокъ, когда мать его, коснѣя въ
невѣжествѣ, не можетъ открыть ему глаза на
свѣтъ Божій. Невѣжества у насъ и безъ того
много. Оно заѣло насъ до мозга костей. Пора
освободиться отъ него и въ крестьянской сре-
дѣ, и начало этого освобожденія должно лечь
всецѣло на женщину.

Такъ училъ отецъ. Василій свою паству и
его поученіе не пропадало даромъ, а прино-
сило желанный плодъ.

Послѣ проповѣди отца Василя, Кузьма
Петровичъ отслужилъ благодарственный мо-
лебенъ, а потомъ пригласилъ къ себѣ свя-
щенника съ причтомъ и учительницу чайку
напитаться. Съ подобающимъ почетомъ онъ при-
нялъ дорогихъ гостей и вмѣстѣ съ внучкой
старались услужить и угодить имъ по мѣрѣ
силъ своихъ. Въ память окончанія ученія Кати,
Кузьма Петровичъ сдѣлалъ пожертвованіе въ
церковь на неугасаемую лампаду и вручилъ

учительницѣ бѣленькую бумажку на выписку, по его словамъ, хорошихъ книжекъ, чтобы было чего почитать, а ему, безграмотному старику, послушать.

Этимъ закончилось празднество окончанія курса Кати, а вслѣдъ затѣмъ она вступила въ права хозяйки въ домѣ своего дѣдушки, и какъ ни просто было это хозяйство, но многому пришлось поучиться Катѣ, и дѣдушка не лѣнился знакомить ее со всѣми его особенностями, до пчеловодства включительно.

5.

Катя росла, хорошѣла и все больше и больше втягивалась въ трудовую крестьянскую жизнь. Не смотря на запрещеніе старика, она сама ходила за скотиной, сама возилась у печки, сгребала сѣно и даже пробовала жать и все въ рукахъ ея спорилось. Разъ она заявила дѣдушкѣ, что нужно бы совсѣмъ уволить Дарью, такъ какъ теперь она и одна можетъ управиться со всѣмъ хозяйствомъ, но Кузьма Петровичъ окончательно воспротивился этому, и Дарья вмѣстѣ съ работникомъ Иваномъ по прежнему остались членами семьи Хрѣновыхъ. Житѣе имъ было такое, что и умирать не надо.